

— Нет, это не так!

Лицо Се Чжиняня вмиг стало мертвенно-бледным. Цепи оставили на его запястьях глубокие багровые следы, а голос сорвался на истеричный крик:

— Ты собираешься мучить меня из-за каких-то посторонних людей? Почему ты хочешь меня убить? Я не сделал ничего дурного!

Посторонних людей? Как у него язык повернулся назвать так родителей Лу Синчжоу!

Они, когда-то делившие и радость, и беду, теперь стояли друг против друга с обнаженными клинками.

— Какое отношение их смерть имеет ко мне? — спросил Лу Синчжоу.

— Я не понаслышке знаю, что значит быть разорванным на части. Не пытайся заставить меня признать вину, я ни в чем не виноват! — В глазах Се Чжиняня читалось упрямство. Кровь ударила в голову, смешиваясь с наигранным разочарованием. Он не удержался и выпалил: — Ты всегда такой. Ты вообще ничего не понимаешь. Ты ведь не просто так спрашиваешь, почему я тебя предал.

Вообще ничего не понимаешь?

Что я должен был понять? Или, может, ты хочешь, чтобы я что-то узнал?

Лу Синчжоу с горькой усмешкой погладил кольцо лучника на пальце. Сердце бешено колотилось, вызывая лишь отвращение к самому себе.

— Тогда говори, почему?

Кровавые слезы катились по лицу Се Чжиняня, беря тяжелые воспоминания:

— Потому что ты всегда был на стороне других, на стороне того самого великого блага, в которое веришь. У меня не было выбора, я был вынужден так поступить.

Сердце Лу Синчжоу, полное любви, словно вырвали из груди и с силой швырнули на усыпанный осколками пол.

— Великое благо?

В груди Лу Синчжоу будто копошились тысячи червей. Он сделал шаг к Се Чжиняню, срывая с

него последние покровы приличия:

— Ты хочешь сказать, что моя забота о тех, кто погиб в пасти зомби, — это предательство моих чувств к тебе? До сих пор ты пытаешься оправдаться? Тебе мало того, что я уже выяснил? Ты все еще упрекаешь меня в том, что я недостаточно сильно тебя люблю? Какая любовь могла бы удовлетворить тебя?

Се Чжинянь в ужасе отпрянул.

— Мне нечего сказать.

— Говори!

Лицо Лу Синчжоу заволочла непроглядная тьма. Холодный расчет, копившийся годами, разом подавил остатки разума, и в его глазах вспыхнула такая безысходность, что Система 028 невольно содрогнулась.

— Как я должен был любить тебя, чтобы это соответствовало твоему понятию о великом благе? Скажи мне!

В глазах Лу Синчжоу проступили капилляры. Ради этого человека он добровольно стал нулевым пациентом. Любой человек на Земле знает, что такое боль, неужели тот, кто вырос в самой тьме, не понимает, как больно, когда тебя пронзают? Он сам прошел через бури, пытаясь укрыть других, но это не было его обязанностью.

— Я кажусь тебе чужим? Тебе страшно?

Лу Синчжоу опустил ресницы, скрывая бушующие внутри чувства.

— Сун Чжинянь, твои оправдания великим благом жалки. Единственный, кто изменился с самого начала и до конца, — это ты.

Он не разлюбил и не предал, но пытки Се Чжиняня не приносили ему ни капли удовольствия. Стоило ему вспомнить, как этот юноша три года жил бок о бок с Цзян Чжуньинем, как злоба расцвела в его душе, подобно ядовитым грибам после дождя.

— Может, мне стоило устроить вас с Цзян Чжуньинем поудобнее? Свести вас вместе, смотреть, как вы любите друг друга, — это считалось бы достаточным доказательством моей любви?

Слова, которые следовали дальше, были слишком грязными, чтобы их произносить. Се Чжинянь не выдержал:

— Твои оскорбления делают тебе легче? Вот в этом вся разница между тобой и Цзян Чжуньинем.

В его глазах мелькнула боль. Он, преодолевая страдания, поднял голову, и его взгляд был чист, как зеркало:

— Тебе всегда нравилось подавлять других, заставлять их подчиняться. Как только я очнулся, ты начал принуждать меня. Ты презираешь меня, ты надел на меня цепи без моего согласия.

— И что дальше? — отозвался Лу Синчжоу.

За три года он обошел немало нижних уровней баз, утешая семьи погибших в Жунчэне. Он терпел проклятия и клевету в одиночку, полагая, что сможет искупить вину юноши. Разве это не было высшим проявлением любви? А тот, напротив, отдавал всю нежность диким цветам на обочине.

Тот, кто сам его спровоцировал, теперь сам же и выглядит как чудовище.

— Ты хочешь, чтобы я отпустил тебя?

— Ты обходишься со мной как с мусором, мои слова ничего не значат, — ответил Се Чжинянь.

Он поддался на тон Лу Синчжоу, впиваясь ногтями в собственное лицо, не в силах скрыть печаль в глазах.

— Все эти три года я думал о нашем воссоединении. Но я и представить не мог, что ты ненавидишь меня до глубины души. Если бы ты искренне любил меня, ты бы не смотрел, как я превращаюсь в зомби, и не запер бы меня в этой комнате. Ты должен был дать мне сыворотку, отправить в лабораторию на лечение.

Когда он произнес эти слова, вокруг воцарилась мертвая тишина. Жажда любви, доведенная до предела, стирает границы между добром и злом. Се Чжинянь, выросший в тени детских травм, стал ненасытен, и, как бы его ни порицали окружающие за никчемность, его натура не могла измениться за короткий срок.

— Ты должен позволить мне жить.

Это звучало уже не как его прежнее я хочу жить. Лу Синчжоу не упустил низости, промелькнувшей в глазах юноши.

— Это и есть твоя так называемая любовь?

— Тебе не стоит спешить с отказом.

На лице Се Чжиняня застыло жалкое выражение. Он чувствовал, как его рука разрывается, как мышцы под кожей начинают костенеть. Он оскалился:

— Потому что ты не сможешь отказать мне в этой просьбе. С самого детства ты любил меня больше всех, не так ли? Лучше убей меня, это будет милосердием и для тебя, и для меня. Отпусти меня или покончи с этим быстро. Я могу выбрать смерть, чтобы искупить вину.

— Бесстыдство!

Лу Синчжоу смотрел на лицо Се Чжиняня, и в памяти всплывала вся жестокость его предательства. Он взмахнул ледяным клинком и, схватив Се Чжиняня за горло так, что его собственные пальцы побелели от напряжения, в ярости воскликнул:

— Как ты смеешь просить меня отпустить тебя? Я так сильно любил тебя, что готов был отдать жизнь, лишь бы ты не оказался в опасности! Я был готов пойти против всей базы, сделать тебя новым Лордом! Мне было плевать, кто был в твоём сердце, лишь бы ты оставался рядом со мной.

Слезы Лу Синчжоу стекали по вискам.

— Кто научил тебя такой подлости?

Его израненная душа ныла от боли. Се Чжинянь был безнадежно болен, безумен, и его любовь была обречена на уродство. Лу Синчжоу не был достоин такой участи. Он сжал горло Се Чжиняня еще сильнее:

— Назови его имя, и я сотру его в порошок. Но ты... ты не должен был, ты ни в коем случае не должен был просить меня о пощаде.

<http://bllate.org/book/20367/2037369>